

Этноконфессиональный фактор во внутренней политике стран Востока

Общественное движение «Хизмет» в современной Турции

© 2014 г. О.В. Добротина
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
dobrolg@gmail.com

В статье освещается история создания и структура общественного движения «Хизмет», возглавляемого турецким имамом и проповедником Фетхуллахом Гюленом. Автор пытается обрисовать сложившуюся на современном этапе картину функционирования данной структуры и определить её значимость.

Ключевые слова: ислам, Движение Фетхуллаха Гюлена, Турция.

Роль исламского фактора в общественной жизни Турецкой Республики являлась дискуссионным вопросом на протяжении всего времени её существования. Провозглашенный ещё в 1923 г. курс на секуляризацию, безусловно, принес свои плоды, но многовековая исламская традиция не была этим уничтожена, отнюдь, она нашла новые формы выражения. Одной из таких новых форм ислама является общественное движение «Хизмет», объединяющее последователей турецкого имама и проповедника Фетхуллаха Гюлена.

Для начала несколько слов нужно сказать об источниках, информация из которых использовалась при изучении данной темы.

Это, прежде всего, открытые источники на русском языке. Главным ресурсом для выяснения подробностей биографии и содержания декларируемых Ф. Гюленом идей был его официальный русскоязычный веб-сайт[1].

Альтернативные взгляды на тот же предмет представлены в аналитических статьях сотрудников Российского института стратегических исследований (РИСИ) – Раиса Сулейманова и Владимира Иванова, которые также были привлечены в качестве источников. В них приводятся уникальные факты биографии самого Ф. Гюлена и подробности

функционирования возглавляемой им организации.

Несколько слов следует сказать о личности и идеях самого Фетхуллаха Гюлена. Этот турецкий богослов знаменит в исламском мире своими проповедями толерантности, развития межрелигиозного диалога, демократического государственного устройства[2].

Однако его проповеди не всегда были проникнуты подобными идеями. Ещё в 1971 г. Гюлен был осужден турецкими властями за высказывания, направленные против светских основ турецкого государства и даже отбыл довольно продолжительное наказание за это[3, С. 322]. Вскоре после выхода Гюлена из тюрьмы вокруг него начала формироваться структура, официально именуемая ныне «Хизмет». Примерно с 1980 года Гюлен начал принимать участие в реализации бизнес-проектов своих последователей. Он не только находил финансовые средства для инвестирования в их предприятия, но и помогал им преодолевать разнообразные трудности, возникающие при ведении бизнеса. Делать это ему помогали обширные связи в государственных структурах.

Такая помощь способствовала привлечению новых последователей из числа бизнесменов. Предпринимателей, обращавшихся к нему за помощью,

Гюлен убеждал отдавать своих детей в его школы. Проповеди он совмещал с коммерческими и образовательными проектами.

Образовательные учреждения «Хизмет» – вузы, лицеи, школы, детские сады, – стали открываться по всей Турции, а теперь находятся во многих странах, где проживают турки.

К середине 90-х годов в Турции последователями Ф. Гюлена был основан Фонд журналистов и писателей, главой которого сделался сам Ф. Гюлен, стамбульский университет «Фатих», а также множество иных общественных организаций, во главе которых встали приверженцы Гюлена. В это время он вышел «на международный уровень» – по мнению многих турецких аналитиков, именно тогда Гюлен стал сотрудничать с американской разведкой, что и предопределило успех возглавляемой им организации[4].

В 1996 г. он встретился с Вселенским патриархом Варфоломеем, что положило начало диалогу между мусульманской и немусульманской общественностью. Толерантность стала центральной темой его выступлений и статей, он получил массу наград от организаций и обществ разного уровня за содействие межрелигиозному диалогу.

В 1999 г. Ф. Гюлен уехал в Америку на лечение. Во время его отсутствия один из турецких телеканалов показал фрагменты его проповеди перед собранием последователей. В ней он представил собственный взгляд на политический ислам в Турции и раскрыл свою цель – установление в Турции шариатского правления, а также рассказал о методах, которые он рекомендует своим последователям для достижения этой цели. Он советовал адептам своего учения проникать во властные структуры Турции, чтобы захватить власть в стране, когда наступит для этого удобный момент[5].

Больше Гюлен не возвращался в Турцию, но как минимум проповеднической деятельности не прекратил, а в последние годы сторонники его идей официально стали называть себя общественным

движением «Хизмет», что переводится с турецкого как «служение».

Кратко опишем структуру этого общественного движения. «Хизмет» – это сетевая структура, которую можно условно разделить на несколько составляющих.

«Религиозные» сети объединяют ячейки адептов. В небольших турецких городах руководители ячеек обычно хорошо знакомы между собой. Все адепты могут находиться на разных уровнях посвящения. Среди них основную роль играют так называемые «абилер» – старшие братья, которые отвечают за привлечение молодежи. Члены ячеек регулярно собираются на т.н. сохбеты – совместную молитву и проповедь[5].

Другая часть сетей объединяет в себе общественные организации, официально выступающие за «диалог между религиями и цивилизациями» и организации, действующие в сфере образования.

«Экономические» сети объединяют различные субъекты экономической деятельности (торговые и строительные фирмы, банки). К ним же можно отнести электронные и печатные средства массовой информации. В деятельность экономических сетей включены и мафиозные по своей сути структуры, которые можно назвать организованными преступными группировками.

Отдельной составляющей «Хизмет» являются светские люди, представители немусульманской и мусульманской интеллектуальной элиты, которые разделяют декларируемые организацией идеи о «толерантности религий и цивилизаций», однако ни в каких структурах не задействованы, и более того – не представляют себе, какие цели на самом деле преследует движение Гюлена.

Влияние членов «Хизмет» на положение дел в современной Турции оценивается многими аналитиками как значительное.

Так, в генеральном управлении безопасности Турции в 1992 г. было подготовлено сообщение «О нелегальной деятельности некоторых сотрудников службы безопасности», где упоминалось имя Ф. Гюлена и незаконной исламской

организации, главой которой он является. В докладе говорилось, в частности, что организация Ф. Гюлена «имеет целью заменить на шариатский режим государство, ориентированное, согласно Конституции Турецкой Республики, на демократическое, светское и социально-правовое развитие. Она распространена по всей Турции, действует особенно активно в полицейских колледжах, в полицейской академии и школах»[6, С. 129]. Там также было отмечено, что организации удалось наладить контакты с 50% учащихся колледжей, что ее цель – «обосноваться на основных постах в государственных учреждениях»[6, С. 129].

По данным WikiLeaks, оглашенным в

2010 году, представители американской дипломатии считают организацию Фетхуллага Гюлена мощнейшей исламистской группировкой в Турции. По их представлениям, организация контролирует торговлю, крупный бизнес, и издательскую деятельность, а также прочно укоренилась в политической сфере жизни Турции [5].

2013 год ознаменовался включением Ф. Гюлена в список «100 самых влиятельных людей мира»[7].

Общий вывод таков: организация Ф. Гюлена «Хизмет» действительно играет значительную роль в современной жизни Турции. В её руках находится самое главное, что может быть в стране с признаками демократии – общественное

Список литературы

1. Официальный веб-сайт Фетхуллага Гюлена [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://fgulen.com/ru/>.
2. Толерантность религий и цивилизаций. Взгляды Фетхуллага Гюлена / Сост. В.А. Ставицкий, С.И. Табасаранцев. М., Экономика, 2012. 359 с.
3. Киреев Н.Г. История Турции XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. 608 с.
4. Российские тенденции [Электронный ресурс] / Интервью Гамзата Магомедова с Раисом Сулеймановым / Фетхуллаг Гюлен: в маске и без маски. Опубликовано 3.05.2013. Режим доступа: <http://rostend.su/?q=node/664>.
5. Фетхуллаг Гюлен: в маске и без маски / Интервью Гамзата Магомедова с Раисом Сулеймановым // Российские тенденции [Электронный ресурс]. Опубликовано 3.05.2013. Режим доступа: <http://rostend.su/?q=node/664>.
6. Киреев Н.Г. Турция между Западом и Востоком // Ближний Восток и современность. Вып. 2. М., 1996. С. 106–166.
7. Турция: кто стоит за коррупционным скандалом / Euronews [Электронный ресурс]. Опубликовано 25.12.13 в 17:34. Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2013/12/25/turkey-s-erdogan-government-rocked-by-corruption-forces>.

Проблема малайско-мусульманского сепаратизма в южных провинциях Таиланда: историческое прошлое и современность

© 2015 г. Р. Ю. Зверев

Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского
Zverev_RY@mail.ru

В статье автором предпринята попытка при помощи ретроспективного анализа прояснить ситуацию вокруг проблемы малайско-мусульманского сепаратизма в южных провинциях Таиланда.

Ключевые слова: малайско-мусульманский сепаратизм, исламизм, терроризм, Таиланд, Патани, Паттани, Яла, Наратхиват.

Особое место в системе этноконфессиональных коммуникаций среди регионов Юго-Восточной Азии занимает Таиланд, а точнее его южная часть (провинции Паттани, Яла и Наратхиват), где уже на протяжении длительного периода времени не прекращается вооруженный конфликт с участием ряда радикальных исламистских организаций, выступающих за особые права местного населения и защиту традиционного образа жизни, автономный режим региона в составе Таиланда (программа-минимум); за создание или независимого исламского государства или вхождение южных провинций в состав Малайзии (программа-максимум).

Население трех провинций составляет около 1.8 млн. человек, из которых, по разным оценкам, мусульмане составляют около 80-85%. Ситуация осложняется тем, что преобладающее большинство местного населения составляют малайцы, говорящие на языке Яви (диалект малайского языка): не менее 9/10 населения Таиланда составляют буддисты, для которых основной язык - это тайский.

«Вооруженная борьба за независимость, которая активизировалась в последние десять лет, унесла жизни

свыше 6000 человек, что превышает численность погибших в секторе Газа за тот же период времени. По имеющимся данным, мусульманские экстремисты, действующие на юге Таиланда, совершают в год больше террористических актов, чем джихадисты в Йемене или Сомали - 17 тыс. нападений с января 2006 по апрель 2014 г., в основном бойцами моджахедского крыла Patani United Liberation Organization» [1].

Чтобы разобраться в природе данного конфликта и его особенностях, необходимо произвести ретроспективный анализ ситуации в регионе.

Южные провинции современного Таиланда: Паттани, Яла (Джала), Наратхиват (Менара), части Сонгкхлы (Синггора) и Сатуна (Сетул), а также существенная часть севера современной Малайзии, - «в течение пяти столетий представляли собой небольшой исламский султанат» [1] на территории Юго-Восточной Азии - более известный, как королевство Великая Патани (или Патани-Даруссалам). Начиная с первых правителей династии Чакри (правящей с 1782 года по наст. время) предпринимались энергичные попытки усилить контроль над Патани: активное внедрение бюрократических административных структур,

подчиняющихся Бангкоку, при этом неоднократно совершались попытки ограничить возможности мусульманского права в регионе, за счет расширения юрисдикции и сфер влияния тайской правовой системы.

В XIX веке семь малайских султанатов, существовавших на территории бывшего королевства Патани, уже находились в вассальной зависимости от Сиам (нынешнего Таиланда). Во главе каждого из них стоял местный правитель, управление строилось на принципах шариата и малайского обычного права («адат Мелаю»). После реформ государственного управления в Сиаме с 1901 г. эти султанаты были включены в структуру унитарного сиамского государства наряду с тайскими провинциями. А по Бангкокскому соглашению 1909 г. с Великобританией за Сиамом остались Патани и Яла, Наратхиват и Сатун. Местные правители вассальных княжеств были заменены назначаемыми из Бангкока губернаторами и чиновниками, которые были тайцами и буддистами.

Недовольство, вызванное заменой шариата тайским гражданским правом, обострилось после принятия закона о начальном образовании 1921 г., обязывающего детей малайских мусульман посещать тайские школы (обучение по утвержденному набору светских дисциплин на тайском языке). До этого в мусульманских школах давалось религиозное исламское образование на малайском языке, что, по мнению правительства страны, препятствовало интеграции мусульманского населения юга в таиландское общество [2, р. 13; 3, р. 35; 4, с. 24-26].

В течение 1930-х годов темпы ассимиляции значительно возросли: местная система управления была полностью заменена «Бангкок-ориентированной»; программа модернизаций, часть которой

Рис. 1. Карта приграничных провинций Малайзии и Таиланда. Желтым цветом обозначены южные провинции Таиланда, оранжевым - федеральные штаты (султанаты) Малайзии.

была направлена на устранение исламских обычаев (в том числе меры по искоренению шариата), местных диалектов, на соблюдение единообразия в языке и социальной системе поведения. В 1939 году Сиам переименован в Таиланд. Эти действия были неотъемлемой частью процесса «таизации» регионов страны (попытка подчеркнуть единство тайской этнической и национальной идентичности). Однако стремления привлечь малайских мусульман в «национальную тайскую семью» не оправдались. Начиная с 1960-х и по настоящее время, провинции Паттани, Яла и Наратхиват воспринимаются как зоны инакомыслия; более того наблюдается тенденция эскалации противоречий, выражающейся в перманентности регионального конфликта. Обострение также происходит в

силу некоторых объективных и субъективных причин и факторов: низкий уровень экономического развития региона, социальная напряженность, коррупция и превышение полномочий властями, произвольное подавление сепаратизма, порой, весьма жестокие меры подавления движений сопротивления (в том числе целенаправленные убийства и похищения), широкая деятельность исламистских организаций [2, р. 14-15; 5, р. 177-187; 6, р. 204-207].

На протяжении почти сорока лет (1960-1998) в южных провинциях Таиланда действовал целый ряд боевых сепаратистских движений. Несмотря на то, что многие из них имели различные друг от друга идеологические воззрения и цели, все они были мотивированы общим желанием создания независимого малайско-мусульманского государства с Паттани во главе («нового азиатского халифата»). Достижение целей предполагалось в основном силовым путем: засады, похищение людей, убийства, избиения, вымогательство, взрывы. В авангарде сепаратизма были три основные группы: Barisan Revolusi Nasional (BRN) - Национальный революционный фронт; Patani United Liberation Organization (PULO) - Объединённая Организация Освобождения Патани; и New PULO.

С конца 1960-х в южной части Таиланда действовали также и более мелкие организации, в том числе Barisan Nasional Pembebasan Patani (BNPP) - Освободительный Национальный Фронт Патани; Sabilillah (дословно «Путь Бога»); Barisan Nasional Baru (известное, как Движение моджахедов Паттани); Gerakan Mujahidin Islam Pattani (GMIP) - Исламское движение моджахедов Паттани; и другие [7, р. 403-404; 8, р. 241].

В 1960 году был сформирован **Национальный революционный фронт (BRN)** в ответ на правительственные реформы (в частности, реформу образования (секуляризация школы - отделение религии от учебного процесса)). Движение сумело наладить довольно-таки тесные связи с Коммунистической партией Малайи, что отразилось на основных принципах, которые были выработаны в

ходе борьбы с правительством: антиколониализм и антикапитализм, исламский социализм, малайский национализм. С момента своего создания, движение BRN полностью придерживалось методов вооруженного сопротивления, отвергая положения Тайской Конституции и существующую политическую систему. Реализация принципов на деле планировалась представителями движения в два этапа: первый шаг - полное отделение южных мусульманских провинций и выделение на их основе суверенного государства во главе с Паттани (имеется в виду административный центр одноимённой провинции); вторым этапом должно было стать формирование малайско-мусульманской социалистической нации в Юго-Восточной Азии под общим флагом. К 1980-м годам Национальный революционный фронт (BRN) представлял уже серьёзную угрозу законности и порядку не только в южном регионе, но и в тайском государстве, в целом, постольку, поскольку силовые операции-акции проводились как в провинциях Яла, Паттани и Наратхиват, так в других регионах, в том числе и в столичном Бангкоке. Однако стоит отметить, что в 80-90-х годах влияние и возможности BRN значительно снизились из-за фракционной борьбы и расколов, происходящих внутри движения [2, р. 17-18; 8, р. 239-241].

Объединённая Организация Освобождения Патани (PULO) была крупнейшей и наиболее известной из действующих сепаратистских групп на юге Таиланда (в период 1960-2000-х годов). В отличие от многих других малайско-мусульманских движений южных провинций, PULO была принята стратегия двухканальной политики: «разумного» совмещения ненасильственных и силовых действий. Первое направление включало в себя: мероприятия по улучшению уровня образования населения южных провинций, а также воспитание в нем политического сознания и этнонациональной идентичности. Второе направление представляло собой совокупность силовых методов вооруженной борьбы.

Боевики совершили несколько видных акций против предполагаемых символов тайского угнетения, в том числе школ, учителей, представителей местных органов власти, буддийских поселенцев. С 1998 года наметилось улучшение пограничного сотрудничества и координации действий между Бангкоком и Куала-Лумпур (Малайзия), что привело к задержанию нескольких ведущих членов сепаратистского движения, в том числе начальника военных операций *Hayi Sama Ae Thanam*; в ходе чего многие участники малайско-мусульманских движений либо бежали за границу, либо сдались властям (некоторое время действовала государственная программа амнистии) [3, р. 199-201; 8, р. 241-243].

В 1995 году на основе исходного движения PULO формируется новое - **New PULO**. Группа преследовала всё те же цели, однако, в отличие от головной организации отошла от стратегии двухканальной политики, сосредоточив всё внимание на вооруженной борьбе (практика постоянных силовых акций с целью нарушения нормального хода социально-экономической, политической и культурной жизнедеятельности региона).

Со временем в ряды **New PULO** стали активно проникать преступные элементы, в том числе и мигрирующие из соседних стран. Руководство движения не препятствовало этому, так как это позволяло сконцентрировать более профессиональные повстанческие кадры на нужных направлениях.

В течение длительного периода **BRN**, **PULO** и **New PULO** не предпринимали серьезных попыток скоординировать свои действия в силу некоторых идеологических разногласий. Так продолжалось до 1997 года, когда три повстанческих группы наконец-то решили объединить усилия, сформировав альянс, действующий под общим знаменем **Bersatu** (буквально «солидарность»). **BRN**, **PULO** и **New PULO** провели целую серию вооруженных акций на территории Таиланда под кодовым названием «Листопад» (использование самодельных взрывных устройств, поджоги,

обстрелы учреждений, убийства; основная цель операции - ликвидация отдельных представителей власти). Ситуация на границах Таиланда и Малайзии обострилась (сепаратисты южных провинций имели тесные связи с малайскими мусульманами султаната (штата) Келантан на севере Малайзии, которые нередко укрывали у себя повстанцев из соседней страны). Это стало одной из причин укрепления пограничного сотрудничества и координации действий между Бангкоком и Куала-Лумпур, что, как уже говорилось, привело к нескольким громким арестам членов PULO и New PULO. В ходе переговоров между странами представители правительства Таиланда (главы МВД и МИД) настаивали на том, чтобы Малайзия активизировала свои силы в борьбе с повстанцами, в противном случае Таиланд обещал ограничить экономическое сотрудничество между странами [2, р. 18-21].

Таким образом, масштаб беспорядков и вооруженного выступления в южных провинциях заметно снизился к концу 1990-х годов. Помимо всего названного, в данном процессе сыграли довольно большое значение правительственные реформы, направленные на улучшение ситуации на юге страны: попытки экономического развития региона и решения социальных проблем; инвестирование в профессиональную подготовку местных малайцев: не только военно-полицейское обучение и подготовка, но и политико-культурное воспитание кадров; в рамках МВД был создан специальный центр - **Southern Borders Provinces Administrative Centre (SBPAC)**, занимающийся обучением чиновников и силовиков местной культуре и местному языку Яви, а также осуществляющий мониторинг ситуации в регионе и некоторые административные функции. Учреждение в целом выполняло поставленные перед ним задачи по урегулированию ситуации в регионе.

В скором времени вспышки насилия и сопротивления вновь набрали высокие обороты постольку, поскольку правительство Таиланда не сумело выполнить свои обязательства по решению

социально-экономических и административных проблем региона (безработица, неучастие малайских мусульман в местном бизнесе и администрации, и др.). Обстановка обострилась в 2001 году после того, как вновь избранное правительство во главе с премьер-министром Таксином Чиннават распустило SBPAS (центр будет восстановлен лишь после военного переворота 2006 года, в ходе которого Таксин Чиннават сложил с себя премьерские полномочия). Многие представители власти и силовых структур ошибочно полагали, что нивелировать деятельность PULO и New-PULO, значит, нанести смертельный удар повстанческому движению юга [2; 9].

Рис. 2. Таксин Чиннават, премьер-министр Таиланда с февраля 2001 по сентябрь 2006 г.

В последующие несколько лет продолжается эскалация конфликта, в том числе учащаются случаи столкновения на межрелигиозной основе (в основном убийства или избиения буддистов: как мирян, так и монахов). Пожалуй, стоит отметить несколько дерзких операций малайско-мусульманских сепаратистов в указанный период. В январе 2004 года группа мусульман численностью в сто человек совершили налет на тайский военный лагерь в провинции Наратхиват: им удалось вывести оттуда не менее 300 единиц боевого стрелкового оружия (штурмовые винтовки, пулеметы, гранатометы и прочее). 30 марта того же года боевики в масках совершили нападение

на карьер в провинции Яла, где им удалось выкрасть более полутора тонн аммиачной селитры, около полусотни динамитных шашек и более полутора десятков детонаторов. Правительство Таиланда наконец-то публично признало, что конфликт в южных провинциях имеет под собой политическую и религиозную подоплеку, а не является всего лишь проявлением преступной деятельности, и, соответственно, не может быть решен только силами правоохранительных органов.

С января 2004 года по конец августа 2007-го в южной части Таиланда зафиксировано более 7700 акций (нападения, убийства, поджоги, использование самодельных взрывных устройств), полиция и военные также понесли значительные потери. В отличие от более ранних этапов конфликта движения повстанческих групп принимали всё более четкие и мобильные организационные структуры, а сепаратистская деятельность слилась воедино с террористической. В ряды этих структур всё чаще попадали молодые люди, безработные фермеры, рабочие и торговцы, преступные элементы и мигранты из соседних стран.

Оценки численности активных участников малайско-мусульманского движения этого периода варьируются от 5-6 тысяч человек до 20-30 тысяч, более того около 90% населенных пунктов трех южных провинций имели, по меньшей мере, одну боевую ячейку.

Многие вооруженные действия в регионе, а также подготовка боевиков, проходят под руководством **Runda Kumpulan Kecil (RKK)**. В программу обучения входят рукопашный и ножевой бой, обращение с оружием, использование взрывчатки и изготовление самодельных взрывных устройств.

Отряды, как правило, имеют следующее вооружение: ножи и мачете, автоматическое оружие, гранаты и СВУ; большинство из которых местного производства, похищенных у силовых ведомств или купленных у членов PULO, New PULO, BRN, исламистских и террористических группировок Юго-Восточной Азии.

Интересным фактом представляется то, что в 2006 году, во время обыска, в одной из исламских школ Паттани был обнаружен план «1000 дней», в ходе которого планировалось создание суверенного малайско-мусульманского государства в течение пяти лет (начиная с 1 января 2004 года). Авторство якобы принадлежит находящемуся в розыске Masae Useng, бывшему члену BRN.

Помимо увеличения интенсивности атак, силовые ведомства и тайские аналитики обратили внимание на то, что боевики стали более технически образованы и снабжены. Если ранее вес используемой взрывчатки не превышал 5-10 кг, то с 2005 года ситуация начинает меняться. Так, например, в феврале боевиками был произведен взрыв на границе Таиланда с Малайзией - общий вес СВУ составил около 50 кг. Меняется и механизм приведения в действие взрывного устройства: не менее 95% случаев с помощью мобильного телефона - это более эффективно, чем использование часовых механизмов, поскольку позволяет ликвидировать цели в пределах прямой видимости и в определенное время [2, р. 20-25].

С этого времени столкновения на религиозной основе также становятся активнее: происходят нападения мусульман на питейные заведения, игорные залы, караоке-бары, заведения, связанные с западной культурой, буддистские общины, светские школы. Учащается количество убийств монахов и буддийских гражданских лиц, в том числе с помощью поджогов и обезглавливания.

В ходе обострения конфликта участилось проникновение исламистских радикалов из соседних стран, например, из числа **Jemaah Islamiyah** (буквально «Исламское общество»). Тайское население всерьез начало говорить об арабизации региона. Ситуацию усугубляло то, что из Саудовской Аравии и ряда других арабских стран все чаще направлялись финансовые средства на строительство мусульманских школ, частных колледжей и мечетей, главами которых нередко становились приверженцы ваххабизма и салафии. Исламистские силы приступают к

вербовке и подготовке студентов для священной войны. Однако, несмотря на это движение сопротивления, по-прежнему действует вокруг защиты уникального малайско-мусульманского образа жизни и достижения автономии или независимости региона. Вопрос об установлении очередного плацдарма для исламистских боевиков на Востоке пока не стоит, хотя, стоит отметить, что остается весьма перспективным, как минимум, для радикальных группировок Юго-Восточной Азии, типа упомянутой Джамаа Исламия или Абу Сайяф. Данный сценарий представляется невозможным до тех пор, пока будет сильна малайско-мусульманская самоидентификация в регионе, по сути выступающая неким встроенным крепким барьером от внешнего проникновения. Безусловно, верно утверждение, что масштаб и характер насилия возросли, однако, многие признаки, характерные для исламистских террористических и экстремистских групп Юго-Восточной Азии, например, в Индонезии, пока не наблюдаются в южных провинциях Таиланда. Так в одном из интервью журналистам представитель силового ведомства объяснил, что при вербовке молодежи в одной из южных провинций член *Jemaah Islamiyah* спросил: «Готовы ли взорвать себя во имя Аллаха?» А студент как будто бы ответил: «Да, готов, но только после того, как вы покажете мне, как!» [2, р. 25-34].

В период премьерства Таксина в южных провинциях были развернуты не только армейские силы, но и росло присутствие специализированных отрядов военизированной полиции и гражданской обороны: общей численностью не менее 30 тыс. человек. Со временем количество отдельных военизированных контрсепаратистских групп только увеличивалось. Правительство Таиланда предпочло политику силовых методов, отказавшись от возможности политических переговоров и мирного урегулирования конфликта. В 2004 году в провинциях Яла, Паттани, Наратхиват было объявлено военное положение, войска и силовые ведомства получили возможность проводить аресты без судебного решения.

Эффективность силового подхода значительно снижалась из-за нескольких факторов. Во-первых, недостаточность координации действий, межведомственное соперничество и разграничение юрисдикции, неспособность адекватного мониторинга и анализа ситуации, отсутствие культурно-лингвистической подготовки. Во-вторых, отсутствие слаженной политики по созданию положительного имиджа власти в глазах местного населения: тайское

Рис. 3. После штурма мечети Krue Se, в которой ранее скрывались три десятка боевиков / Апрель 2004 г.

правительство не решило проблемы бедности, низкого уровня жизни и развития. В-третьих, силы безопасности, время от времени, действовали настолько жестко, что даже та часть местного населения, которая никогда не поддерживала сепаратистов, отворачивалась от властей.

Примечательны следующие примеры: в апреле 2004 года военными был осуществлен штурм одного из самых почитаемых мусульманских религиозных объектов Таиланда, мечети Krue Se: три десятка боевиков, ранее скрывшихся в ней, были уничтожены. Это нападение оставило неизгладимый след в памяти местных мусульман.

Спустя полгода в провинции Наратхиват в ходе антиправительственных демонстраций было арестовано более 1000 человек [2, р. 29-37], которых силы безопасности укладывали в грузовики до пяти - шести слоев с целью транспортировки в лагерь Королевской Армии Таиланда, видимо, для задержания и допроса. К тому времени, как транспорт прибыл к месту назначения, 78 демонстрантов погибли от удушья. Этот инцидент вызвал массовые протесты по всей стране, так как даже немусульманские тайцы были в ужасе от произошедшего. Премьер-министр Таксин Чиннават выразил сожаление по поводу случившегося, однако, полностью поддержал действия сил безопасности, заверяя, что не было никаких нарушений с их стороны [10].

Тем не менее, несмотря ни на что, стоит отметить, что малайские мусульмане, конечно, были возмущены тайским присутствием всё это время, недовольны низким уровнем жизни, нерешенными социально-экономическими проблемами, однако, большая часть мирного населения не желало образования суверенного государства путем вооруженного сопротивления властям.

19 сентября 2006 года в Таиланде произошёл военный переворот, в ходе которого новым премьер-министром стал генерал Сураюд Чуланонт. С этого времени правительство Таиланда придерживалось более примирительного подхода по отношению к повстанцам, избегая чрезмерного применения силы, а также допуская переговоры с представителями движений сопротивления. Несмотря на это масштаб конфликта и насилия в южных провинциях только увеличивался.

Надлежащий контроль за ситуацией в южных провинциях осложнялся тем, что внимание правительства зачастую было обращено ни на малайско-мусульманский юг, а на тайские территории и, особенно, столичный Бангкок, где активизировались массовые протестные движения и беспорядки в ходе политического кризиса 2008-2010 гг. и антиправительственных выступлений 2013-2014 гг.

В стране было введено военное положение, отменено действие конституции и арестованы члены прежнего

правительства, а также наложена цензура на ряд СМИ - в результате военного переворота командующий Королевской армией Таиланда, Прают Чан-Оча, был объявлен исполняющим обязанности премьер-министра военного правительства Таиланда (2014 г.). В соответствии с приказом, действие которого начинается с 1 апреля 2015 года, и со статьей 44 временной Конституции Таиланда, руководитель Национального совета мира и порядка (Прают Чан-Оча) имеет право единолично принимать решения в сфере законодательной, исполнительной и судебной власти в вопросах, касающихся национальной безопасности [11].

Вынуждены согласиться, что «несмотря на то, что несколько десятков лет в Таиланде предпринимаются усилия развивать демократические институты, военный переворот все еще не потерял своего значения как инструмент разрешения тупиковой политической ситуации в стране. Несмотря на новые политические технологии, которые практикуются в Таиланде, он вновь был востребован, как единственное средство урегулирования политического противостояния противоборствующих сил» [12, с. 90].

Примечательно в рамках данной проблемы, что в 2011 году Прают Чан-Оча утверждал, что повстанческое движение организовано из-за рубежа и финансируется за счёт средств, полученных от наркоторговли и контрабанды нефти.

Яла, Паттани и Наратхиват и по сей день имеют самый низкий уровень социально-экономического развития среди южных провинций Таиланда. Основными проблемами, с которыми сталкиваются местные мусульманские общины, следует назвать бедность, безработица, низкое качество инфраструктуры, недостаточный уровень экономического развития региона, низкий уровень качества жизни; преобладание представителей тайского, а не местного этноса в системе

управления на юге страны (справедливо отметить, то, что по сравнению с серединой XX века, мусульманское присутствие как в регионах, так и в столице заметно усилилось: появились новые мечети, ряд важных государственных постов занимают мусульмане; выходцами с юга являются, например, генерал Буньяраткалин, видный государственный и политический деятель Сурин Питсуван и другие) [13; 14, с. 79-81]. Особняком стоит проблема образования: государственные школы преподают только на тайском языке, а установленная в них система обучения - светская. Именно поэтому одной из главных целей боевиков радикальных исламистских организаций становятся школы и учителя.

В настоящее время самой крупной организацией малайско-мусульманского движения сопротивления, осуществляющей в том числе и террористическую деятельность, является **Barisan Revolusi Nasional-Koordinasi (BRN-C)**, в состав которой входит целый ряд радикальных исламистских организаций, повстанческих движений, вооруженных, террористических подразделений. Группировка вербует своих сторонников через мечети и мусульманские школы, проповедуя идею создания неконтролируемой центральной властью территории, используя в этих целях хорошо обученных бойцов, совершающих убийства солдат и мирных граждан [1].

Таким образом, мирное урегулирование конфликта в южных провинциях Таиланда в настоящее время пока не представляется возможным. Сохраняется угроза региональной и национальной безопасности в связи с риском осуществления террористической и преступной деятельности не только местными исламистскими объединениями и группировками Юго-Восточной Азии, но и международными террористическими организациями, будь то подразделения Джамаа Ислами, Абу Сайяф, Аль-Каиды или др.

Список литературы

1. Рогожина Н.Г. Джихадисты в Таиланде [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Новое Восточное Обозрение» [Офиц. сайт]. Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2015/03/17/rus-dzhihadisty-v-tailande/> (дата обращения: 04.04.2015).

2. Chalk P. The Malay-Muslim Insurgency in Southern Thailand. Understanding the Conflict's Evolving Dynamic / P. Chalk. - Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2008. 39 p.
3. Leifer M. A Dictionary of the Modern Politics of South-East. London and New York: Routledge, 1996. 328 p.
4. Гусев М.Н. Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил. М.: ИБВ, 2007. 190 с.
5. Christie C. J. A Modern History of Southeast Asia: Decolonization, Nationalism and Separatism. London and New York: Tauris Academic Studies, 1996. 286 p.
6. Alagappa M. The National Security of Developing States: Lessons from Thailand. Dover, Mass.: Auburn House Pub. Co., 1987. 274 p.
7. May R.J. The Religious Factor in Three Religious Minority Movements // Contemporary Southeast Asia, 1992. Vol. 13, № 4. P. 402–411.
8. Farouk O. The Historical and Transnational Dimensions of Malay-Muslim Separatism in Southern Thailand // Armed Separatism in Southeast Asia. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 1984. P. 234–257.
9. International Crisis Group. Thailand: The Evolving Conflict in the South, Asia Report 241, December 11, 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.crisisgroup.org/~media/Files/asia/south-east-asia/thailand/241-thailand-the-evolving-conflict-in-the-south.pdf> (дата обращения: 04.04.2015).
10. Cumming-Bruce N. Some neighbors fault hard-line approach in Thailand's south: Thaksin and unrest stir doubt in region [Электронный ресурс] // The New York Times, 2004, November, 18. Режим доступа: http://www.nytimes.com/2004/11/18/news/18iht-1firstR_37.html (дата обращения: 04.04.2015).
11. Беленький Е. Вместо военного положения Таиланд ввел «приказ о мерах безопасности» [Электронный ресурс] // РИА Новости, 2015, 1 апреля. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20150401/1055976170.html> (дата обращения: 04.04.2015).
12. Фомичева Е. А. Военный переворот в Таиланде в 2014 г. и перспективы демократизации общества // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2014. №24. С. 79–92.
13. Bangkok Pundit. Economic Situation in Southern Thailand [Электронный ресурс] // Asian Correspondent, 2007, April, 24. Режим доступа: <http://asiancorrespondent.com/20195/economic-situation-in-southern-thailand/> (дата обращения: 04.04.2015).
14. Фомичева Е. А. Роль религии в общественной жизни и становлении государственности в Таиланде // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2014. №25. С. 69–88.

Исламское государство: глобальный вызов или угроза России?

© 2015 г. Мазур В.С.

Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского
nevesta-palacha@bk.ru

На наших глазах происходит мироустроительный передел Ближнего Востока, и главную роль в этом играет Исламское государство (далее ИГ). Существует ещё большое количество (во многом пока нам неизвестных) причин, почему в XXI веке на территории Ближнего Востока воплощается контрмодернистский проект. Настоящая работа не ставит своей целью объяснить столь сложный феномен как ИГ, в исследовании предпринята попытка определить наиболее значимые угрозы, которые может являть собой самопровозглашенное Исламское государство для России.

Ключевые слова: Исламское государство, исламизм, Ближний Восток, Россия, глобальный вызов, СНГ.

Попытка адекватно понять феномен исламизма на протяжении уже нескольких десятилетий, к несчастью, не увенчивается успехом. Подчас исследователи недооценивают способности исламистских организаций, отказывают им в своеобразности и сложности постижения. После краткосрочного правления Братьев-мусульман в Египте, многие из экспертов заявили о логичности смены власти радикально настроенных мусульман на диктаторский светский режим, поскольку модель жизни, предложенная исламистами нежизнеспособна. Французский востоковед О. Руа один из тех, кто придерживается такой позиции: «Исламисты, – утверждает он, – изменились или, по крайней мере, они поняли, что мир изменился. Даже там, где они взяли власть, например, в Иране или Газе, они не в состоянии были создать успешную модель исламского государства» [1, с. 12]. Более того востоковед утверждает, что даже, если исламистам удастся удержаться у власти, то они неминуемо должны будут принять демократическую модель управления государством. «...Их (исламистов – В.М.)

утопичные амбиции не идут ни в какое сравнение с создавшимися социальными, политическими и даже географическими реалиями» [1, с. 13].

Однако, несмотря на все «реалии», на наших глазах происходит мироустроительный передел всего Ближнего Востока, и главную роль в этом играет ИГ. И опять некоторые из исследователей пытаются примитизировать это явление, заявляя, что на части территории Ирака и Сирии бесчинствуют обычные боевики. Однако помимо бесчеловечных казней, игиловцы проводят на оккупированных территориях и социальную политику, население готово мириться с жесткостью радикалов в обмен на обеспечение некоего социального минимума.

И существует ещё много (во многом пока нам неизвестных) причин, почему в XXI веке на территории Ближнего Востока воплощается контрмодернистский проект (проект, предлагающий обществу отказаться от прогресса и восхождения, и ввергнуться в пучину варварства и дикости). Настоящая работа не ставит своей целью объяснить столь сложный

феномен как ИГ, в исследовании предпринята попытка определить наиболее значимые угрозы, которые может являть собой самопровозглашенное Исламское государство для России.

«Порядка 1700 граждан России могут вести боевые действия на стороне "Исламского государства" в Ираке и Сирии. "Это только то, что мы знаем", - заявил первый заместитель директора ФСБ РФ Сергей Смирнов» [2]. Точное количество наших соотечественников подсчитать сложно, и если официальные цифры варьируются в районе 2000 человек, то сами боевики на вопрос о численности россиян в рядах ИГ заявляют: «сегодня среди нас уже больше 5000 братьев с Кавказа» [3]. И эти данные не входят в принципиальное противоречие с данными органов безопасности. С одной стороны статистика всегда запаздывает, а с другой Сергей Смирнов сам прокомментировал цифру в 1700 как примерную, т.е. это статистика по персоналиям, собранная из фиксированных оперативных данных. Вполне вероятно, что вдвое больше человек прошло на территорию ИГ, не попав в прожектор мониторинга ФСБ, или эти данные еще не обработаны. А это значит, что некоторые из радикалов вернутся обратно на Родину, отягощенные специфическими знаниями и жадой убивать муртадов (вероотступников) и кяфилов (неверных).

Однако исламовед Р.А. Силантьев на этот счет рисует более оптимистичную картину: «Приедут далеко не все, смертность там ниже, чем в Дагестане, но, тем не менее, достаточно высокая.<...>Тех, кто уже пытаются вернуться, сажают, возвращаются они предсказуемо через Турцию, понятно, что если человек с бородой и подозрительной внешностью возвращается, то, скорее всего он отдыхал не в Анталии. Некоторое количество спецназа (в частности спецназ Рамзана Кадырова) заслали туда (в Сирию, Ирак), и на месте происходит ликвидация» [4].

Если высказывания ученого о большой смертности игиловцев не вызывает сомнения, то выявления исламистов на границе с Турцией кажется маловероятным:

перед тем, как пересечь границу самопровозглашенного Халифата исламисты делают все возможное, чтобы их внешний облик не отличался от среднестатистического отдыхающего в Турции россиянина. При всем этом в запасе у боевиков находятся разного рода документы и справки, которые подтверждают их вполне мирное существование на территории Турции.

Опасность ИГ состоит также в том, что им начинают присягать другие террористические организации. На данный момент не представляется возможным понять все перипетии внутри исламистских отношений, так на протяжении года отношения ИГ и Джебхат Ан-нусра претерпевали значительные трансформации, подобное же положение складывается у игиловцев с талибами, «Армия Мужчин Накшбанди» (одни из активнейших действующих племенных формирований иракских суннитов) находятся в союзе с ИГ. А ведь название группировки прямо указывает на принадлежность к суфийскому исламу. «Казалось бы, такая принадлежность должна исключать сотрудничество с радикалами-исламистами из ИГ. Но на деле всё иначе» [5].

Плохо объяснимы отношения ИГ и с радикальными группировками на территории России, известно, например, что «некоторые полевые командиры "Имарат Кавказа" присягнули на верность ИГ» [6]. Руководство Исламского государства чрезвычайно заинтересовано в кадрах с территории СКФО. Кавказцы для них - это не пушечное мясо, которое они собирают с захваченных провинций. Прежде всего, это основа для бросков к рубежам будущего Халифата. «Люди, приехавшие непосредственно из России, в том числе из подразделений Имарата Кавказ пользуются привилегированным положением, наряду с «неофитами» (европейцами, принявшими Ислам) и косоварами» [4]. А это значит, что в скором времени от имени ИГ на территории нашего государства будут действовать отдельные ячейки группировки. Тенденция исламистов присоединиться к ИГ видится в успехах халифатистов на БВ. Немаловажную

роль в причине присоединения к ИГ различных исламистов играет и сугубо материальный фактор. «У ИГИЛ появились серьезные источники самофинансирования, боевики захватывают нефтяные месторождения, именно по этой причине к ним потянулись экстремисты...» – заявляет представитель СНБ Узбекистана» [7]. Так, «лидер ИДУ Усмон Гоzi завил о присоединении к ИГИЛ исключительно для роста своего политического веса в стане террористов, а также для пополнения денежных средств ИДУ» [7].

Помимо возникающих ячеек ИГ на территории России ввиду присоединения местных радикалов к халифатистам, серьезную угрозу представляет ИГ в Афганистане, к которому массово примыкают в последнее время талибы. «Между тем, как выразился Сергей Лавров, — обстановка в Афганистане в целом «деградирует». Часть районов, граничащих с Таджикистаном, уже сегодня контролируется талибами, а официальная кабульская власть, поддерживаемая США и признаваемая международным сообществом, всё менее убедительно изображает управление территорией страны» [8].

Неслучайным на фоне этих событий выглядит намерение России в ближайшее время вооружить Таджикистан на сумму около 70 млрд руб.

Кроме того, Россия намерена увеличить численность личного состава собственной 201-й базы в Таджикистане с нынешних 5,9 тыс. до 9 тыс. военнослужащих.

Туркменистан и Узбекистан, также граничащие с Афганистаном, обеспокоены проникновением в свои государства игиловской чумы. «По словам аналитика Службы национальной безопасности Узбекистана (СНБ) Бахтияра Шарафова, появление ИГ у самых «ворот в Среднюю Азию» означает, что потенциальная угроза превысила уровень терактов и боевых операций» [9].

Тревожнее складывается ситуация в Туркменистане. «На туркменском 750-километровом участке нет таких естественных препятствий, как река Пяндж в Таджикистане или горы Памира. Вырытый глубокий метров на пять

пограничный ров вряд ли надолго защитит не переболевших трайбализмом туркмен от нашествия талибов и радикалов ИГИЛ. Полноценно защитить туркменскую территорию мешает нейтральный статус республики.<...>Из-за гипотетических рисков войны Ашхабад не поступит своим нейтралитетом» [10], – полагает ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН Шохрат Кадыров.

В настоящее время на границах вышеописанных государств наблюдается некая стабильность, однако каждая из этих стран осознает всю опасность надвигающейся исламистской угрозы и ищет пути решения из сложившейся ситуации, Россия, как никто другой заинтересована в нахождении этих решений. Самым слабым звеном в этом триумvirате видится Туркменистан, ведущий обособленную политику, США уже предложили помощь Ашхабаду в борьбе с терроризмом, какие дальнейшие действия предпримет Туркменистан, станет понятно в обозримом будущем.

Помимо помощи среднеазиатским странам США демонстративно выражает готовность в борьбе с ИГ, однако пока все ограничивается авиаударами по позициям исламистов. А не так давно президент США Барак Обама признался, что: «Исламское государство» является ответвлением «Аль-Каиды» в Ираке, которое разрослось в результате нашего вторжения. И это является примером непреднамеренных последствий» [11]. Отдельной темой исследования может стать фраза президента, однако сейчас нам важно осознать, что причастность США к созданию ИГ уже никем не может оспариваться и больше не является конспирологической теорией.

Сделав эту оговорку, сошлемся на статью эксперта по конкурентной разведке Елены Лариной, которая утверждает, что «на прошлой неделе в его коридорах (американского правительства – В.М.) власти циркулирует необычный, никем не подписанный документ – «Белые Бумаги. „Исламское государство“ в Сибири. Фантастика или вероятность» (White Paper. Islamic State in Siberia. Fiction or

Probability). В резюме документа содержится следующее заявление: на севере России – в Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском автономном округах, и прежде всего в Новом Уренгое, Ноябрьске, Нижневартовске, в некоторых городах Якутии, постепенно складывается критическая масса для формирования активных действующих ячеек ИГИЛ» [13]. Новыми рекрутами для халифатистов в указанных местностях, по мнению Лариной, является не только молодежь из южных, преимущественно мусульманских районов РФ, но и местное молодое русскоязычное население. ИГ уже давно, как утверждает автор, не смущают географические расстояния. Важна лишь перспективность региона и наличие в нем необходимого потенциала. «Если ИГИЛ столкнется с серьезными препятствиями в экспансии на Ближнем и Среднем Востоке (а оно уже с ними сталкивается), исламисты с высокой степенью вероятности начнут искать новые, удаленные и труднодоступные для своих врагов регионы, включая постсоветские среднеазиатские страны и российский северо-восток» [12].

И негласный вывод, который напрашивается из этого документа, заключается в том, что ИГ необходимо подтолкнуть для реализации этих планов. Подобная гипотеза имеет место, ко всему прочему она достаточно гладко вписывается в реалии современной политической ситуации.

Подводя итог вышесказанному, следует заметить, что, несмотря на кажущуюся отдаленность ИГ от границ РФ, угроза с каждым днем имеет тенденцию к возрастанию и связано это как с преобладающими факторами внешней направленности, так и с проблемами внутри страны, обусловленными разнообразными исламистскими организациями. И, несмотря на то, что говорить о непосредственной агентуре ИГ в центральной России на данный момент преждевременно, в ближайшее время появление такой агентуры более, чем вероятно.

Необходимо выработать определенную стратегию в борьбе с радикалами, поскольку вызов, который бросает ИГ всему человечеству требует беспромедлительного ответа.

Список литературы

1. Roy O. Transformation of the Arab world / O. Roy // Journal of democracy, 2012. №3. P. 5–18.
2. Дельфинов А. ФСБ допускает, что за «Исламское государство» воюют около 1700 россиян [Электронный ресурс] // DW, 2015. Режим доступа: <http://novoteka.ru/sevent/12670954> (дата обращения 10.04.2015).
3. Севостьянов Н. Комментарий ИГИЛ: «У нас воюет больше 5000 братьев с Кавказа [Электронный ресурс] // Агентство «Новороссия», 2015. Режим доступа: <http://www.novorosinform.org/articles/id/959> (дата обращения: 14.04.2015).
4. Разведопрос: ученый исламовед Роман Силантьев (часть 1) [Электронный ресурс], 2015. Режим доступа: <http://oper.ru/news/read.php?t=1051615074> (дата обращения: 15.05.2015).
5. Подкопаева М. Иракские сунниты в войне с «Исламским государством» [Электронный ресурс] // Суть времени, 2014. Режим доступа: <http://gazeta.eot.su/article/irakskie-sunnity-v-voyne-s-islamskim-gosudarstvom> (дата обращения: 15.05.2014.)
6. ФСБ: ИГ пытается вербовать сторонников на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // Вести. RU, 2015. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2493998> (дата обращения 13.05.2015).
7. Служба безопасности Узбекистана: Присоединиться к ИГИЛ «Исламское движение Узбекистана» вынудили финансовые проблемы [Электронный ресурс] // ИА. REGNUM, 2015. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1897424.html> (дата обращения: 15.02.2015).

8. «Исламское государство» лезет в Евразию. Зачем Россия вооружает Таджикистан на 70 млрд. [Электронный ресурс] // Однако, 2015. Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/islamskoe-gosudarstvo-lezet-v-evraziyu-zachem-rossiya-vooruzhit-tadzhikistan-na-70-mlrd/> (дата обращения: 15.05.2015).

9. Саводян Б. На грани взрыва: Узбекистан ожидает нашествия террористов [Электронный ресурс] // ИА. REGNUM, 2015. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1910913.html> (дата обращения: 14.05.2015).

10. Панфилова В. Черные знамена ИГИЛ появились у границ Туркменистана [Электронный ресурс] // Независимая, 2015. Режим доступа: http://www.ng.ru/cis/2015-02-19/1_igil.html (дата обращения: 14.05.2015).

11. Барак Обама назвал появление ИГ результатом действий США на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] // RT, 2015. Режим доступа: <http://russian.rt.com/article/79983> (дата обращения: 15.05.2015).

12. Ларина Е. «Исламское государство» может появиться в Сибири [Электронный ресурс] // ИА REGNUM, 2015. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1905400.html> (дата обращения: 14.05.2015).